

18+

НАТАЛИЯ ЖУРАВЛЕВА

КНЯЗЬ ВЕЛЬСКИЙ

Наталия Журавлева
КНЯЗЬ ВЕЛЬСКИЙ.
Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51557847

ISBN 9785449833211

Аннотация

Юную Верочку Симскую бросил возлюбленный, маменька посадила её под замок, а папенька решил выдать замуж за нелюбимого...Дочь священника Наденька Попова совершила страшный грех: родила ребёнка вне брака. Отец отрёкся от падшей дочери, и она решилась на ужасный шаг...Князя Вельский и Дубровин решили драться на дуэли: задета честь девушки!Любовь крепостной, судьба подкидыша, дерзкий поступок молодого приказчика...Всё это происходит в Санкт-Петербурге 19-го века, сплетаясь в один увлекательный роман.

Содержание

Предисловие	5
Отзывы читателей	7
ГЛАВА 1	11
Позор	11
ГЛАВА 2	19
Наказание	19
ГЛАВА 3	27
Невесту хочет он развлечь...	27
ГЛАВА 4	35
Неудавшаяся прогулка	35
ГЛАВА 5	44
Любовь и смерть	47
ГЛАВА 6	58
Вельские	58
ГЛАВА 7	67
Ссора братьев. Сомнительное знакомство	67
ГЛАВА 8	77
Дубровин. «И он узнал. Так много! Страшно!»	77
ГЛАВА 9	87
Ефим Матвеич сердится	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

КНЯЗЬ ВЕЛЬСКИЙ

Роман в стихах

Наталия Журавлева

Александр Александров *Иллюстратор*

Благодарности:

Моему любимому мужу Андрею Журавлёву, моей замечательной подруге Веронике Зотовой за критику, помощь, понимание и поддержку

© Наталия Журавлева, 2020

© Александр Александров, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-3321-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогие читатели!

Перед вами произведение, написанное в редком в наше время жанре – роман в стихах. Его автор – Наталия Журавлёва, поэт, прозаик, руководитель Санкт-Петербургского литературно-творческого объединения «Огни Гавани». Читатели знают Наталию как тонкого лирического поэта, автора социальных и философских стихов, рассказов разных жанров.

И вот мы имеем удовольствие познакомиться с остросюжетным любовно-приключенческим романом, действие которого происходит более 150 лет назад. В нём бушуют страсти, благородные героини противостоят алчности и подлости, но любовь и честь торжествуют. Роман написан прекрасным чётким стихом, читается очень легко. Сюжет захватывает неожиданными поворотами и живописными деталями, характеры героев достоверны, а их поступки подчас и непредсказуемы, но психологически оправданны.

Читатель как бы воочию видит русскую старину и русское общество позапрошлого века от аристократов до провинциальных мещан и крепостных.

Вперёд, читатель! Вас ожидает интереснейшее чтение и прелестные иллюстрации петербургского художника и поэта Александра Александрова!

Ольга Сафарова

писатель, поэт, член ЛиТО «Огни Гавани», член РМСП

Отзывы читателей

Всем читателям хочу сказать, что они должны непременно прочесть эту книгу.

Действие происходит в Петербурге 19-го века. Читается легко, увлекательно, сопереживаешь всем персонажам. Достоинств у этого романа в стихах много: чёткое построение сюжета; небольшое количество персонажей, что не вносит путаницы и сумятицы; прекрасные «вставки» зимних картинок Петербурга; интереснейшие примечания к сюжетам, что говорит о добросовестном изучении автором реалий Петербурга того времени.

Очень советую прочесть книгу Н. Журавлёвой «Князь Вельский»!

Лучшее, что может ожидать автор, это когда читатель не может оторваться от произведения, не дочитав его до конца, да ещё целого романа. Вы выразили в нём не только свои романтические мечты, знание людской природы, желание воскресить благородство и великодушие в людях, но особенное место занимает Ваша любовь к Петербургу, меня это особенно взволновало. Вы вся пропитана духом северной столицы. Перипетии человеческие для меня не столь удивительны, сколько восхищаюсь Вашим талантливым умением описать их и образ Петербургский. Удивительно и то, что второй раз

читая, не теряешь первоначальный интерес к роману. Бросайте всё и занимайтесь только литературой! Жизненный опыт, меткий взгляд, глубина проникновения в суть человеческую и природу любви принесет Вам вдохновения для написания новых, чудесных произведений.

Поздравляю, Наташа! Прочла! Дела забросила, интересно очень. Молодчина! Такой русский прекрасный язык. Я только что «Евгений Онегин» прочла, слушала В. Непомнящего. И после высокой культуры этого романа, пушкинского языка, ваш роман, Наташа, выдерживает сравнение! Я получила удовольствие и от сюжета, и от стиля, философии, множества подробностей, исторических справок, мудрых фабул. Вот женщины у нас, в русских селеньях, а! Пишут романы! Вот Россия чем богата...))

Да, это настоящий роман! Роман в стихах! Ты сотворила, на мой взгляд, значимое и по форме – музыкальной, ласкающей слух, и по содержанию – картинно-выраженному, красочному и вдохновляющему, высокохудожественное произведение. Благодаря Таланту твоему, глубже чувствуется полнота жизни с ее радостями и скорбями земными.

Чем особенно радует меня роман сей, так это отсутствием заданности – образы героев в нём развиваются не просто по воле автора, их развитие обусловлено теми историческими и психологическими чертами, которые заложены

в образах. И мне это близко, и даже очень! Широчайший охват действительности, описание отличительных особенностей затрагиваемой эпохи, ее колорита благодаря с любовью предоставленным читателям сноскам, приобретают значимость и достоверность! Только безмерно любящий этот славный Город на Неве, способен столь любить и его прошлое, до мельчайших подробностей, до каждой морщиночки на его Светлом челе!

И это уже не говоря о твоих лирических отступлениях, которые хочется читать стоя. И это именно так! Я никогда не лукавлю, во всяком случае стараюсь изо всех сил... И, конечно же, как не отметить – истинно народное произведение! Причём все слои общества расписаны одною кистью и ложатся они в ослепительный разноцветный фейерверк! Наташа, спасибо огромное за удовольствие окунуться туда, куда другим способом и не попасть.) Тем более с тобой! Вот, чуть не забыла! Да, именно присутствие автора и даёт уверенность в том, что страшному не случиться, не допустит, не посмеет нарушить одну из главных заповедей – не убий! Спасибо!

Дина Панасенкова

*гл. редактор альманаха «ОГНИ ГАВАНИ»,
руководитель ЛИТО «Огни Гавани»
с 2005 по 2017 г.г.*

Вехова Лариса

Галина Ивановская

Вера Гиоргадзе

ГЛАВА 1

посвящается Петербургу

Позор

«Спокойны ль нынче Вы, мой друг?
А мне не скрыть моих волнений,
Невольной дрожи хладных рук
И слёз, и горьких подозрений.
Ужель забыли Вы меня,
Иль разом впала я в немилость,
Когда бы не было и дня,
Чтоб я за Вас не помолилась?
Иль Вы... играете со мной?!
За что караете так строго!
Назвать меня своей женой
Перед лицом святого Бога
Вы обещали... Долгих лет
Идти сулили вместе с Вами...
Давали мне любви обет!
Иль это было лишь словами?
Вы пили с губ моих любовь,
В глаза смотрели восхищённо,

И я, в плену волшебных снов,
Себя дарила Вам влюблённо.
Невинностью с ума свела,
Румянцем, нежными плечами.
Тогда вокруг весна цвела,
Теперь – осенние печали...
Неспешен был событий ход:
Ждала я долго, терпеливо,
Когда счастливый час придёт...
Но час пришёл ко мне тоскливый!
Вечор к парадному крыльцу
С гербом подъехала карета,
И было видно по лицу
, что всё непросто это. *Pará*
Нанёс визит нам господин,
С которым слабо мы знакомы:
Он раньше к нам не приходил,
И не был нашим другом дома.
Он бросил взгляд через лорнет
На слуг, , огонь в камине... *tatán*
Прошёл с он в кабинет... *rara*
Меня предчувствия томили!
Как стало ясно, непроста:
Жениться хочет он скорее,
Чтоб до Великого Поста
Назвать меня женой своею.

Сказал, что пылко он влюблён
В меня с тех пор, «когда на бале
Мы вместе модный котильон*
С ним упоённо танцевали!»
Утратил, бедный, он покой,
Моё лицо ночами снится.
Не в силах справиться с тоской,
Желает он на мне жениться!
И он, к несчастью, богат
И родовит – всё чин по чину...
С ним породниться каждый рад:
Богатство – веская причина!
Отец отдать меня готов
Насильно, коль не выйдет лаской...
Но я-то жду других сватов
С той самой нашей ночи майской!
Гордей! Храню я письмецо,
Где Вы свидание сулили
И обручальное кольцо...
Но ожиданья долги были!
Писали много дней назад,
Что Ваше сердце тает сладко,
И что в душе – цветущий сад,
Но в жизни Вашей неполадки,
Дел важных и серьёзных круг...
Но Вас я от хлопот избавлю:

Поскольку нет надёжных слуг,
Сама письмо своё доставлю.
И хватит времени вполне
На месте ждать от Вас ответа.
Что, сударь, скажете Вы мне?
Пошла я против правил света,
Придя сюда совсем одна —
К Вам, в холостяцкую обитель!
Вы всё мне скажете сполна,
Свои поступки объясните!»
В недоуменье вздёрнув бровь,
Смятенно потирая щёки,
Он разбирал цепочку слов,
Читал взволнованные строки.
Потом вертел в руках листок
Надушенной бумаги тонкой
И долго вспомнить он не мог
Лицо забытое девчонки.
Вот именно – девчонки, да!
Была какая-то интрижка...
Но чересчур уж молода
Девушка та, наивна слишком:
Ждала высоких чувств она,
А он ходил от страсти пьяный!
Кипела буйная весна,
Была прекрасной и желанной

Любая женщина тогда
С изящной шейкой, белой кожей...
Малютка крайне молода,
Пленительна чертовски – тоже!
«Люблю я женщин с юных лет
С восторгом пылкого мужчины,
И не одна из тех побед —
Дуэлей яростных причины.
Бежал подчас я в неглиже,
С мужьями избегая драки,
А незамужним протеже
Порой устраивал я браки.
Да, многих женщин я знал...
Но это юное созданье
Меня сразило наповал!
Томимый жаждой обладанья,
Подходы к сердцу и душе
Нашёл я быстро и без боя:
Спустя недели две уже
Она была в саду со мною.
Весенним солнцем день сиял,
Дремала бонна на скамейке...
Я ручки страстно целовал
В тенистой узенькой аллейке.
Другой десяток нежных слов —
Зажглись румянцем щёчки жарко,

И уж хотелось не балов,
Но слов и взглядов – как подарков.
А в новолуние – темно:
Ещё не стали ночи бёлы.
Покинув дом через окно,
Она ко мне сбежала смело.
И мой закрытый экипаж
Служил для той нелепой встречи...
И то единственный был наш
Наедине друг с другом вечер!
В любви малютке клялся я,
Смелее становились ласки,
И тут... восстала плоть моя!
В ответ слезой набухли глазки,
И дева, мне твердя про честь,
Про свадьбу, строгого папашу,
Пыталась вырваться и сесть...
И тем любовь убила нашу!
Ей все завязки завязал,
Сыскал все пуговики, крючочки,
И всё, что жаждала, сказал,
Стремясь быстрее поставить точку.
Её доставил я домой
И пылко обещал жениться —
Тем был роман закончен мой
С прелестной глупенькой юницей.

Писал, как будто, письмецо
Я через пару дней поспешно...
И позабыл, в конце концов,
Про эпизод, весьма потешный.
Давно по правилам игры
Забыть бы ей, что было прежде,
Не пребывать до сей поры
В пустой бессмысленной надежде.
Явилась – надо же! – с письмом
И ждёт какого-то ответа...
Нет, надо сделать всё с умом,
Пресечь на раз доукуку эту.
На что надеется она?
Чего старается добиться?
...Мой бог! Полковничья жена!
Свиданье! Как я мог забытья?!
Вот нынче с кем игра моя,
С кем нет покоя ни минутки!
Жена – полков... жена – ничья, —
Своей же он хихикнул шутке. —
А той скажу, что не люблю,
И полюбить – не в нашей воле...
Нет, лучше гнать её велю
И не пускать отныне боле!
Авось без глупостей пройдёт
Влюблённость эта у девицы...

А я, возможно, через год
И сам задумаю жениться.
Да, точно! Через год женюсь!
И жизнь свою начну сначала!»
И, подкрутив роскошный ус,
Он подмигнул себе в зеркало...
*Но нам неведомы пути,
Где бродят счастье или горе,
Кому дано любовь найти,
Кого дуэль погубит вскоре...*

ГЛАВА 2

Наказание

«Подите прочь... подите прочь...» —

Позором, как морозом, щёки,

Средь бела дня спустилась ночь,

И звон в ушах гудел глубокий.

С покрытым влагою челом,

С немыми, бледными губами

Она, убитая словами,

Покинула ужасный дом.

А Петербург сиял, умыт

Осенним дождиком прозрачным,

Приняв степенный, гордый вид,

Как светский щёголь в паре фрачной.

Октябрь же, услаждая взоры,

В восторге пламенном своём

Багряным и золотым шитьём

Нанёс изысканно узоры

На строгий петербургский фрак,

Стараясь отдалить ту пору,

Когда ноябрьский стылый мрак

В объятия возьмёт весь город.

И лился солнца тёплый свет
С небес, вдруг засиневших в вечер.
В октябрьском солнце жара нет —
Есть обещанье новой встречи.
И вот, в осеннем злате весь,
Гордился град Петра красою.
Но, затуманенный слезою,
Ей взор принёс плохую весть:
В кровавом платье – старый клён,
И ржа на кронах в Летнем саде,
Зловещ вороны хриплый стон,
И злость у кучера во взгляде...
«Подите прочь!.. Стыдитесь... блажь...» —
Визгливо тявкали болонки.
Забыв про личный экипаж,
Летела. А за ней вдогонку
Слуга расстроенный бежал
Вприпрыжку рядом с экипажем.
И что-то встречный люд шептал,
Довольный данным эпатажем:
Рыдая в крик, по мостовой
Бежала девушка молодая,
За ней – возница, сам не свой,
С мольбою что-то причитая.
Её терзали стыд и страх,
Спасение – в аллеях сквера:

Укрыться там! Но в двух шагах
Сознания лишилась Вера.
Её привёз домой слуга —
Без чувств, убитую несчастьем.
Но с нею мать была строга:
Допрос устроила с пристрастьем,
Едва-едва очнулась дочь
И чаю выпила с душицей.
Беседа шла у них всю ночь,
И всё, что глупая девица
Уже успела натворить
Во имя светлых грёз,
Веруше
Пришлось, краснея, говорить,
К себе доверие разрушив.
Под свечки ровный, тихий свет
В слезах она призналась маме,
В том, в чём признаться силы нет...
Пожалуй, знаете вы сами!
Хлестнула звонко по лицу
Её, воскликнув гневно: *татап*
«Не вздумай выболтать отцу!
Тебя растил он как царевну:
С фарфора ела и пила,
В шкафах твоим нарядам тесно,
В любви и неге ты росла,

Отец гордится: дочь – невеста!
Судьбу навек связать с тобой
Решился нынче муж достойный!
А ты позоришь нас... гульбой,
Подобно девке непристойной!
Тебе шестнадцать лет уже,
Наукам обучалась разным,
А жизнь решила в кутеже
провести,
в срамных утехах праздных?!
Невеста! Дева! Ох, беда...
Все книжки – вон! И в наказанье
Из дома больше – никуда!
Вязать и шить! Читать Писанье!
До самой свадьбы – под замок!
Сидеть – ни слуху и ни духу!
Чтоб и сболтнуть никто не мог...
Молчи!» – И снова – оплеуху! —
«Спасибо, что сама цела,
И честь... А то бы – неизвестно!..»
И зарыдала, обняла,
И дочка к ней прижалась тесно...
Скучны, тоскливы стали дни,
А вечера ещё печальней:
Свечей дрожащие огни,
Шитьё, молитвы, стены спальни...

Из дома выход – лишь с : *tatan*
Та дочку бдила, ей не веря.
И, как болотный злой туман,
Вина съедала душу Вере.
Приёмы в доме отменить
Сочла хозяйка невозможным,
И Вере надлежало быть
На тех приёмах. Осторожно,
Тишком за ней следила мать,
В боязни повторить свой промах.
Жених – и будущий их зять —
Всегда был гостем на приёмах.
Почётным гостем, дорогим,
И в этом не было секрета:
Что обручилась Вера с ним,
Весь Петербург читал в газетах.
Жених был знатен и богат —
Наследник княжеского рода.
Имелся, правда, младший брат...
Но тут – в семье не без уroda!
Увы, никчёмный малый был:
Прослыл пьянчугой и слюнтяем.
На что и где теперь он жил,
Не знал никто. И мы не знаем.
Борись с несчастьем, не борись,
Коль бог даёт – знать, по заслугам!

Зато другим был князь Борис —
Хорошим сыном, верным другом.
Отдал Отечеству свой долг:
Был ранен на войне с Шамилем*,
Когда в развалинах Дарго́
Огнём их горцы задавили.
И вот, оправившись от ран,
Он жил спокойно в Петербурге,
Когда его любовь-тиран
В свои вдруг захватила руки!
Коснувшись локона, он враз
Утратил доблесть и отвагу,
А свет огромных серых глаз
Вмиг бесполезной сделал шпагу.
Улыбка, прядка у щеки
И юмор милый фраз ответных,
Как из-под снега ручейки,
Размыли в сердце незаметно
И сплин, и давнюю тоску.
Его счастливей не бывало,
Когда, подобно мотыльку,
Она легко с ним танцевала.
В их доме были не балы:
Беседы, чай, вино, сигары,
Для карт покрытые столы,
Под фортепяно – вальсом пары...

И всё ж мазурка – веселей.
Для дев, к тому же, безопасней:
Соблазнов много меньше в ней,
Движения – куда прекрасней!
Балы пойдут от Рождества,
И станет город веселиться,
И кру́гом будет голова,
И резво прыгать и кружиться
На бале ночи напролёт
Не утомятся молодые,
И многих там любовь найдёт,
Придя, незваная, впервые...
Да, полонеза сладкий звук
Сезон балов откроет вскоре,
И светских удовольствий круг
Охватит всех. И только горе
И муки Верочки навек
Её лишили счастья бала!
И вновь из-под дрожащих век
Слеза горячая бежала...
*Порой безгрешно мы грешим,
Любви отдав себя всецело,
И над собою суд вершим.
Но только Бог воздаст за дело.*

ГЛАВА 3

Невесту хочет он развлечь...

Борис не мог не замечать
Печали Веры, глаз молящих,
Морщинку меж бровей летящих —
Раздумий скорбную печать.
Лицо любимое подчас
Менял укол сердечной боли,
Поднять боялась Вера глаз,
Не улыбалась шуткам боле.
Была печальна и бледна,
Украдкой смахивала слёзы...
Она его лишала сна!
А князь не мог задать вопросы:
Отец возлюбленной его
Привык решать всё в одиночку,
А мать хотела одного:
Отдать скорее замуж дочку!
И даже если что в душе —
Не скажет маменька до свадьбы:
Они обручены уже —
Теперь венчанье не сорвать бы!
А он бы горло перегрыз

Любому за её печали.
О, как помочь хотел Борис!
Но все вокруг него молчали.
У Веры он спросить не мог:
Что сердце ей нещадно гложет?
И под дождём ночами мок,
Надеясь, что сама, быть может,
В окошко выглянет она,
Махнёт приветливо рукою...

Тускнела мокрая луна,
И шёл Борис домой, с тоскою,
С досадой думая о том,
Что спать нельзя у милых окон...
Его встречал огромный дом.
Ему в нём было одиноко.
С отцом Борис там проживал.
Отец его, старик степенный,
А в прошлом – бравый генерал,
Болел и гаснул постепенно:
Бессвязной становилась речь,
А взор тускнел, дрожали руки.
Старался сын его беречь,
И в этом не было докуки.
Любил он искренне отца,
И в детстве ласковом когда-то
Готов был слушать без конца
Его рассказы о солдатах.
Князь долг свой честно отдавал,

Дарил отцу любовь сыновью.
Но он безмерно тосковал...
Его тоска звалась любовью.

А между тем пришла зима
С морозом жгучим и снегами,
Прикрыла шапками дома
И волю вод сковала льдами.
В садах укрыла потеплей
Насквозь продрогшие аллеи.
А ветер с моря дул всё злей,
Метель кружилась веселее.
Блестели горки во дворе —
Мальчишкам бойким на потеху,
Но лучик солнца в декабре
Прodelать редко мог прореху
В слоях тяжёлых, плотных туч...
И вот уж день – зевка короче,
И за окном трещит, колюч,
Мороз глубокой чёрной ночью.
Но были редкие деньки:
Ни тучки в чистом бледном небе,
Лучей задорных огоньки
Сияли искорками в снеге.
Под зимним солнцем Петербург
Блестел, сверкал в снегах пушистых,
И скверы наполняла вдруг
Возня детишек голосистых:
И смех, и визг, и беготня,

Игра в снежки, коньки, салазки —
Была довольна ребятня
Весёлым чудом зимней сказки.
И взрослый чуду был не чужд,
И рад, лицо подставив свету,
Забыв о грузе дел и нужд,
Идти гулять вдоль парапета
У Мойки или у Невы.
От ветра нос бесплодно пряча,
Замёрзнуть всё ж до синевы
И – к Вольфу*, кофий пить горячий.

В один из редких ясных дней
Борис приехал за любимой
В карете. Тлели угли в ней
В жаровне.* То необходимо,
И ножкам было чтоб тепло,
И не нуждались в муфте ручки.
Сугробы за ночь намело,
Прикрылись белым сора кучки,
Из труб тянулся к небу дым,
На дубе ворон чёрный каркал,
О чём-то с дворником седым
Ругалась толстая кухарка.
Стоял мороз, но день был тих,
Не жгло носы и щёки ветром.
Борис как Верочкин жених
Пришёл к мамаше за советом:
Невесту хочется ему

Развлечь катанием в карете.
День славным будет, по всему.
Мороз, и снег, и сильный ветер —
На них наложит он запрет, —
Шутил Борис, целуя руку.
Не может простудить, о нет!
О да, развеет сплин и скуку —
Клянётся в этом головой!
Мадам, примите восхищенье!
Бегу, от счастья сам не свой,
В карете ждать. Моё почтенье!

прийти просила дочь, *Матан*
Велела Вере быть готовой,
Да не перечить чтоб – ни слова!
Мне слушать глупости не в мочь!
Хотела что-то дочь сказать,
К вискам прикладывая пальцы,
Но ей велела строго мать:
«Изволь идти и одеваться!
Ротонду тёплую надень
Поверх подбитой мехом шубы,
А руки – в муфту. Нынче день
Морозный. Что кусаешь губы?
И даже думать не моги!
Жених почтенный сам приехал!
Обуй теплее сапоги,
Не заболеть бы с той потехой. *
Да будь живее, поспеши!

Поди, заждался князь в карете.
Погоды дивно хороши!
Нельзя терять минуты эти!»

Вздыхнула слёзно и тайком:
«Ох, и трудны заботы наши!
Столь тяжко с дочкой! Но о ком
Ещё заботиться мамаше?
Ну дура-дочь, прости Господь!
На что ей нужен франт убогий?
Ведь он, потешив девкой плоть,
Об честь её бы вытер ноги!
Другое дело – князь Борис!
Лорнет не нужен, чтобы видеть:
Исполнит он любой каприз,
Вовек не даст её обидеть!
Авось побыв наедине,
Душой начнёт к нему стремиться!
Ох, что-то вдруг тревожно мне...
Пойти в часовню, помолиться...»

В слезах бежала дочь наверх,
Ладони к сердцу прижимала:
«Меня семья ввергает в грех!
Ужели горя было мало!
Тот экипаж забыла мать,
Позор, который был так близок?
Мне должно вновь игрушкой стать
Для исполнения каприза?!

Неужто хочется *татап*
Родную дочь испачкать грязью?
Её сочувствие – обман,
И угодить ей надо князю?
А князь! Каков же лицемер!
Чтоб обмануться, ей хватило
Приятных, вежливых манер!
Улыбка князя суть застила!
Коварный план придумал он:
Рискнул со мною обручиться,
Чтоб можно было не чиниться,
А все б решили: ах, влюблён!
Ну что же, я поеду с ним.
Но строго будет князь наказан,
Едва движением одним
Меня коснётся! Даже глазом
Он не успеет и моргнуть —
О страшном прошлом памятуя,
Пронжу себе кинжалом грудь,
Умру за честь мою святую!
Кинжалом в грудь... святая честь...
Но нет кинжала у девицы!
Вот... нож для книг и писем есть.
Годится или не годится
Соболью шубу им пробить?
Ротонда – слишком, право слово...
Теперь уж – быть или не быть!
Готовьтесь, князь! И я готова!»

*Душа чужая – это темь...
Дай бог понять порой свою-то!
И мы родным даны затем,
Чтоб в злую, трудную минуту
Могли обнять и поддержать,
Но власть свою не насаждать.*

ГЛАВА 4

Неудавшаяся прогулка

Бледна, решительна, она
Взглянула гордо и устало,
Садясь в карету у окна.
Зима торжественно блистала.
Перины взбитые снегов
Пушились, искрами сверкая,
Мазки прозрачных облаков
Тянулись в небе, привлекая
Своей возвышенностью взор.
В потоке благостного света
Светился инея узор
На окнах княжеской кареты.
«На Невский! Трогай!»
Князь Борис
Был счастлив, мил и ликом светел.
Сидела Верочка в карете,
Застыв недвижно, глядя вниз.
От страха гадкого дрожа,
Сжимала в муфте острый ножик.
Куда-то спряталась душа...

«Позвольте для согрева ножек
Полой укрыть сей сундучок,*
Полой чудесной вашей шубы...»
И сильный ощутил толчок:
Отбросив руку князя грубо
И в гневе ярко покраснев,
Сверкала девушка глазами.
И замер князь, остолбенев:
«Простите, Верочка! Бог с вами!
Обидеть вас не думал я
Своим касанием неловким:
Без должной действует сноровки
Забота пылкая моя!
Тепло ли вам сейчас, мой друг?
Мороз нешуточный снаружи...
Позвольте, муфту с ваших рук
сниму?»

Но сделал только хуже!
Вскричав задушенно: «О нет!»,
Вцепилась в муфту из овчины.
Погас в глазах Бориса свет:
Не знал он истинной причины,
Принёсшей Вере этот страх
И непонятную тревогу.
Прогулка явно терпит крах...
Призвал князь шутку на подмогу.

Воскликнул, долгий стон сдержав,
Стараясь быть спокойно-нежным:
«Простите! Вновь я был неправ!
Быть с вами глупым и небрежным
Мне нынче, видно, выпал рок.
Прошу простить меня смиренно!
А я исправиться зарок
Даю коленопреклоненно!»
Согнув колени, рухнул князь,
Пытаясь лбом о пол побиться...
Вскричала, весело смеясь,
Недавно грустная девица:
«Ах, полно, князь! Что скажет свет,
На вашем лбе увидев шишку?!»
Всего шестнадцать Вере лет...
Душа просила передышку.
А вот и гордая Нева.
Зима закрыла прочно воды:
Опять в оковах несвободы
Пруды, каналы, рукава*.
Широким ровным полотном
Лежала гладь, блестя снегами.
Река, закованная льдом,
Мостом служила меж берегами.
Мороз хорош для невских вод:
Скрепило лёд без осложнений!

Ведь ледостав был каждый год
Причиной веской для волнений.
Дни поздней осени вдвойне
Тянулись медленно и грустно
В Адмиралтейской стороне
И в Выборгской, и в Петербургской.
Когда на вздувшейся Неве
Ледок ломало волей ветра,
Хватало боли голове:
Ни в центр уехать, ни из центра.
А в год иной опасным быть
Грозило льду не дни – недели:
И не пройти, и не проплыть
На судах – горе, в самом деле!
И на Васильевский попасть
В ту пору было невозможно.
Тепло под зиму – вот напасть!
Найти досадней очень сложно!
Когда же в зиму наплавные
Уже разобраны мосты,
В лепёшку расшибёшься ты,
Но не найдёшь пути иные!
Конечно, начали всерьёз
Решать проблему ту в столице,
И вот уж строят первый мост.*
Но время долгое продлится

Его строительство. А лёд
Служил зимой мостом отменным.
И с нетерпением народ
Ждал от погоды перемены.
А сколько споров и пари:
Когда случиться ледоставу?
Заядлым спорщикам дарил
Тот лёд азартную забаву!
Простите, что-то увлеклась
Беседой с вами не на шутку!
Вернусь я к повести сейчас.
Да что сей час – сию минутку!
Карета въехала на лёд.
По снегу плотному полозья
Давали лёгкий, плавный ход.
Надежду обретя в курьёзе,
Спешил Борис развить успех:
Лились истории потоком
Про всё на свете и про всех!
Он изъяснялся лёгким слогом,
И было Верочке смешно,
И страх исчез противный, липкий...
Она страдала так давно,
Что позабыла об улыбке!
Дрожала, что осенний лист,
Когда мужчин ловила взгляды...

Неугомонный князь Борис
Уже хвалил её наряды!
Столь много знал, однако, князь
О милых штучках женской моды!
И Вера слушала, смеясь,
Про шантильи и тальму, блонды,
Сорти-де-баль и аграмант...*
Изящно князь водил рукою:
Вернул бы с тувель в косы бант —
Имеет мнение такое!
Был интересен взгляд мужской,
Его суждения по теме.
Карета по Большой Морской
Уже скользила в это время.
Скользила? Нет, скорей – неслась!
Укатан плотно снег пушистый:
Любили здесь лихую власть
Езды отчаянной и быстрой.
Но вот окончилась езда.
И снова девушка боится:
Они приехали... Куда?!
Трепещет сердце, ровно птица,
И страх привычный – тут как тут:
«Стоим... приехали... и что же?!
Опять позор и беды ждут?
Спаси меня, помилуй, Боже!»

А князь готовил ей сюрприз
И улыбался он, доволен:
Туда её привёз Борис,
Где, модный в свете, «Ян и Болин»
Был ювелирный магазин —
Тогда заслуженно известен.
Борис у них браслет один
Хотел купить своей невесте.
«В карете я оставлю вас.
Прошу, простите за отлучку:
Сберечь хочу от лишних глаз
Я ваш покой. Целую ручку!»
На снег он выпрыгнул легко,
Махнул рукою, ободряя.
Вздохнула Вера глубоко,
Опять спокойствие теряя.
Мечтал князь Вельский, что браслет
Вернёт возлюбленной улыбку.
Не стал с держать совет *taman*
И... поплатился за ошибку.
Хотел он сделать ей сюрприз,
Подарок из волшебной сказки!
Осмелился просить Борис
Невесту, чтоб закрыла глазки.
Боясь хоть что-то сделать грубо,
Князь нежно руку Веры взял,

В груди дыхание сдержал,
Поднял рукав собольей шубы.
Браслета змейку обернул
Вокруг изящного запястья.
Не овладев собой, прильнул,
Вобрав тепло и запах счастья.
Коротким был блаженный миг
Прелестной ручкой обладанья...
Борис услышал Верин крик,
Похожий больше на рыданье.
Тряся отчаянно рукой,
Как будто жёг браслет ей кожу,
Сжимала нож рукой другой —
Латунный книжный острый ножик.
*Как часто, искренне любя,
Мы так же искренне считаем,
Что мы любимых лучше знаем,
И строим планы... для себя.*

ГЛАВА 5

Сжимала мою руку Бруси
Мертвым объёмом

Ты же чуждо чужды
Мы так же чужды
Сутью мы любимых
Их ступня

Любовь и смерть

В свои неполных тридцать лет
Был князь полковником блестящим,
Не то давно бы белый свет
Покинул он в котле бурлящем
Войны Кавказской затяжной,
Где кровь Россия проливала.
Он был по горло сыт войной —
Она ж его не отпускала.
Бесстрашный воин, офицер,
Врагов Руси поверг немало.
Он для солдат – живой пример,
Отважный сын – для генералов.
Изранен был лихой боец,
Но раны воину привычны!
И крест почётный царь-отец
Вручал герою-князю лично.
И вот сейчас, увидев нож
В руках испуганной невесты,
Сказал ей тихо: «Бейте, что ж!
Хотите знать на теле место,
Куда вонзить, чтоб наконец
Развеять разом страхи ваши? —
Сердито думая: «Творец!

Зачем я ей не мил и страшен?
В её шестнадцать глупых лет
Зачем испуг и слёзы градом?
Балы, наряды, высший свет —
Вот всё, о чём ей думать надо!
Бросать на Святки башмачок
И ждать, краснея, таинств брака.
А Ты ей – ножик в кулачок!
Но плоть людская – не бумага...»
С Творцом не кончил разговор:
В лицо с тревогой Вере глядя,
Увидел князь, как меркнет взор,
И шепчут губы: «Бога ради!
Купить хотите вы меня?
Любви не купишь настоящей!»
В душе поступок свой кляня,
Он снял браслет с руки дрожащей.
Сгорает быстро день зимой...
Бежали ровно кони цугом.
Привёз невесту князь домой.
Простились холодно друг с другом.
Смотрела мать, открывши рот,
Забыв укоры и вопросы,
Как дочку князь домой ведёт,
И жгли глаза и душу слёзы:
Бела как снег, потухший взгляд,

Шла молча, поступью неслышной...

«Мадам, простите, виноват! —

Сказать два слова счёл нелишним. —

Устала Верочка слегка,

Её поездка утомила.

Была прогулка далека,

И впечатлений много было.

Позвольте Вере отдохнуть,

Душой паря в счастливых высях!

...А завтра слово ей вернуть

Приеду я!» – добавил в мыслях.

«Подайте чаю ей стакан,

Замёрзла Верочка немного!»

Взглянул на бледную *татап*

И словно дал приказ ей строго:

«А в душу к дочери – не лезть!

Отставить нынче все вопросы!»

Мадам пришлось на пуфик сесть:

Дрожали ноги, близко слёзы...

Но был расстроен князь и сам.

Боясь, что вдруг заметят это,

Борис оставил милых дам,

В раздумье тяжком сел в карету.

Карета выстыла давно,

Но был страшнее в сердце холод...

Метельно было и темно,

Хоть освещался щедро город:
Шесть тысяч с лишним фонарей!
Артель фонарщиков усердно
Огни гасила на заре,
Лишь небо розовело бледно.
Но слишком слабый света круг
Давал простой фонарь на масле.
А газ был дорог – Петербург
Им только в центре освещался.
Бежали кони, не спеша:
Засыпал новый снег дорогу.
Болит несносная душа!
Пора звать разум на подмогу!
Но малым был, признаться, толк:
Не по уму сия задача!
И князь решительно не мог
Понять с невестой неудачу!
«Нет, не найти, пожалуй, слов!
Припасть губами к ручке – слишком?!
Помимо моды и балов,
Во всём другом она – малышка!
Вступать с таким ребёнком в брак,
Противно воли быть ей мужем?
Ей не жених, а старший брат,
Защитник и наставник нужен!
Терпеть её и страх, и стыд,

И отвращение во взгляде,
Приняв довольный, глупый вид,
Страдать совокупленья ради?
По-пуритански, без затей,
Святым Писанием стращая,
Усердно делать ей детей,
Потребность плоти насыщая?
Всегда покорна и верна,
Дитём беременна и долгом —
Жена такая не нужна!
В такой жене мне мало толка!
В наш бурный просвещённый век
Нельзя с женою – как с прислугой!
Меняться должен человек!
Своей жене я буду другом!
За равный и счастливый брак
Стою и сердцем, и душою!
Хочу жениться только так
И дружно жить семьёй большою.
Во всём с женой держать совет,
По всем вопросам, что... насущно:
В мои дела вникать не след —
Оно и вредно ей, и скушно.
Пускай ведёт примерно дом,
И я как муж приму участие...
А Вера... Верочка потом

Кому-нибудь составит счастье!
Да, утром еду, решено,
К её родителям с отказом!»
И сердце боль пронзила сразу...
Смотрел он в тёмное окно
И видел Верин силуэт,
Её улыбку, профиль милый,
Воскликнул резко: «Нет и нет!»
Но сердце сжало с новой силой.
Не мог не думать князь о ней,
О счастье рухнувшем совместном:
Он грезил ею много дней —
Творением небес прелестным —
С той самой встречи роковой,
Когда давала бал графиня.
Он встретил счастья лучик свой!
И полон чувства был отныне.
Любви неважно, скольких лет,
Умён иль глуп, красив иль страшен,
Богат ли, беден ли объект —
Амур стреляет без промашек!
И от любви ты без ума:
В душе смятение и радость,
И пахнет розами зима,
И в старый дом приходит младость!
Борис любил до немоты —

Не передать любовь словами!
Её изящные персты
В нём трепет сердца вызывали.
Пусть были встречи эфемерны —
Борис любил её безмерно!
Любил её незрелый ум,
Пытливый взгляд, восторг ребёнка,
Во взоре след серьёзных дум,
Чело с упругой прядью тонкой,
Игриво выбившейся вдруг.
Любил её глаза-озёра.
Рисунок вен под кожей рук
Пленял изяществом узора.
Порою трели соловьёв
Он слышал в диком вое ветра!
Он был наполнен до краёв
И ждал взаимного ответа!
«О нет! Неладно что-то здесь!
Она – девица, не малютка!
Другой! Соперник, верно, есть!
И... Вера – с ним?!.. Представить жутко!»
Зубами скрипнул гордый князь
И брови свёл в горячем гневе:
Пружина ревности взвилась
Подобно кобре-королеве.
Ну да, конечно! Или – нет?..

И князь кусал в смятенье губы:
Всегда страдают правдолюбы,
Но он потребует ответ!
Рассудок всё же гнул своё:
«Положим, есть другой – любимый.
И что? Тогда б руки её
Просил бы он, неоспоримо!
Красива Вера, небедна,
Что из купцов – то не беда:
Отец порядочен и честен,
Как поставщик двора* известен.
Гордится дочерью своей,
Обидеть куколку – куда уж!
Он боль не стал бы делать ей,
В любви и счастье выдал замуж!
Нет-нет, купец тут ни при чём...
А вот мамаша о венчанье
Печётся слишком горячо
И неспроста хранит молчанье.
Её-то и припру к стене,
Придя к родителям любезным.
Мамаша всё расскажет мне!
А все гаданья бесполезны...»
Борис не смог додумать мысль:
Тревожно кони захрапели,
Карету дёрнув, понеслись

В клубках кружащейся метели.
«Зачем лихачит вдруг Степан?
Уже рукой подать до дома...»
Снег падал, плотный, как туман,
Но виден был проспект знакомый.
И вот – направо поворот,
И дом, светящийся огнями.
Борис увидел: у ворот
Уже стояли чьи-то сани.
И кучер, старый дед Степан,
Промолвил в явном непокое:
«Ну, коль не глаз моих обман,
То дохтур нам махал рукою.
То сани ихние, как есть,
Тады промчались мимо лихо...
Ох, поспешайте: дохтур здесь!
Не всё, боюсь я, в доме тихо!
Топочут, слышу: топ да топ,
Туды-сюды в окошках дворня...»
Степан крестил вспотевший лоб.
Глотая страх, застрявший в горле,
Уже слугу не слушал князь:
С колючим ужасом борясь,
Вбежал, срывая шубу рысью...
Так страшно не было Борису
Ещё ни разу! На войне

Смотрел врагу в лицо и в спину.
Сейчас же понял вдруг вполне,
Как плохо любящему сыну,
Когда в беде родной отец,
А драться не с кем!
Всё свершилось...
И слово тихое: «Конец...
Да будет с ним Господня милость!»
И горе – тяжестью свинца...
Печален врач... и дворня воеет...
А руки мёртвые отца
Ещё тепло хранят живое...
Борис готов был умереть,
Всю кровь свою отдать по капле
Отцу... Но забирает смерть
Того, чьи дни уже иссякли.
*Когда пришёл утраты час,
То мнится в скорби бесконечной,
Что горе вечно будет в нас...
Но лишь любовь бывает вечной!*

ГЛАВА 6

Вельские

Два дня гудел весь Петербург,
Печально новость обсуждали:
«Князь Вельский был больших заслуг,
Креста напрасно бы не дали!»
«Святого Александра крест*
На красной ленте по одеждам...»
«...Служил, а жил один как перст...
В укор лентяям и невеждам
Сумел детей сберечь своих,
Не стал жениться, жил сынами:
Всегда заботился о них!..»
«...Да будет божья воля с нами!»
«...Его ценил сам государь!..»
«...И сына вырастил как надо:
Умён, почтителен – как встарь,
Отцу и помощь, и отрада!..»
«...А младший – тот не без греха...
Да что там! Плод гнилой, бездельник...
Продаст как мясо потроха,
Когда останется без денег!
Позор семейства! Стыд и срам», —

Толпа взволнованно шептала,
Явившись в капитульный храм, *
Где служба шла. Для генерала...

Красив был Троицкий собор!
Сверкал на зимнем солнце купол,
Пленяла чёткость линий взор.
Скульптурная над входом группа
Стараньем Шубина-творца*
Являла миру крест с орлами:
Четыре огненных конца,
Орлы двуглавые с крылами.
И лики ангелов святых
Смотрели ласково и строго.
И драгоценных, и простых
Святынь во храме было много:
Иконы, статуи, панно...
И на столе канунном – свечи*...
Был петербуржцами давно
Тот храм любим за дивных певчих.
Лились печально голоса,
То тише вдоха, то взмывая,
И застилала взор слеза,
Глаза пречисто омывая.

Гремело сердце как набат...
В ушах Бориса глохли звуки.
Рыдал у гроба младший брат:
Текла слеза, дрожали руки.

Борис и Глеб... Отец и мать
Не зря назвали так детишек:
Святых любить и почитать
Учили сызмальства мальчишек.
И сказка это или был —
Давно в роду жила легенда,
Что пращур их далёкий был
Князьям убитым также дедом.*
Олег, Владимир, Святополк*
Был Вельских рода основатель?
Гадать сейчас какой уж толк,
И нет уверенности, кстати!
«Цари! – смеялся гордо князь,
Детей сажая на колени.
– Эх, жалко, мать не дождалась,
Не даст уже благословений
Любимым деточкам своим...
Ну трубка! Хуже паровоза!»
И разгонял рукою дым,
Украдкой смахивая слёзы.

Была счастливая семья:
В годах супруг, жена молодая,
Росли погодки-сыновья,
Умом и ликом умиляя.
И вдруг – болезнь. И – приговор.
И жизнь, и счастье сразу – мимо...
Светил известных дружный хор:
«Увы! Скорблю... Неизлечимо...»

Чахотка – Петербурга бич:
Сырой, тяжёлый, вредный воздух...
И стал вдовцом Сергей Ильич.
Тогда он был ещё при звёздах.*
И боль потери заглушить
Не в силах были дамы света.
Сергей Ильич привык служить.
Беззвёздность* круглых эполетов
Была почётна и важна,
Для рода княжьего – тем боле...
Спасала армия от боли —
Вторая, вечная, жена.
Меж тем росли его сыны.
Когда-то данное им слово
Быть верным памяти жены
Держать старался. Но сурово
Не мог воспитывать отец
Детей, лишённых ласки мамы:
В союзе этих трёх сердец
Главой он не был, скажем прямо.
Спасибо, что мадам-месье,
Прозя надбавки регулярно,
Вбивали в чад науки все,
Причём отнюдь не фигурально!

Борис пошёл тропой отца:
Отдал военной службе душу.
А Глеб метался без конца,
Советов батюшки не слушал.

В итоге кончил плохо он:
Вино, сигары, карты, девки...
И был отцом он отлучён
От дома, денег и опеки.
Нет, не от горя плакал Глеб —
То завещание виною!
От злости он оглох, ослеп:
«Столь подло поступил со мною
Родной и любящий отец,
Лишив наследства равной доли!»
А Глеб мечтал, что, наконец,
Не будет он зависеть боле
От глупых старческих каприз:
Все деньги он поделит с братом!
Но ждал его плохой сюрприз:
Увы – ему не стать богатым.
Упрямый пакостный старик
Лишил наследства – вот где горе!
Но Глеб сдаваться не привык,
Падёт он брату в ноги вскоре.
Навряд захочет князь Борис,
Прожив с отцом в плену идиллий,
Чтоб дальше брат катился вниз,
И слухи, сплетни чтоб ходили.
Ах да... Идиллий! Что же – пусть
О нём пойдёт молва в народе:
И Глеб упал отцу на грудь,
Сознание теряя вроде.

Конечно, был переполох,
Но князь не дрогнул даже бровью,
Настолько был спектакль тот плох...
«Ах, Глеб! Проникся вдруг любовью,
Увидев мёртвого отца!
Живой же был забыт на годы...
Поди, не вспомнил бы лица
И не признал среди народа.
Зачем весь этот маскарад,
Спектакль для одного актёра,
Понятно: будет, значит, брат
Просить наследства долю скоро.
Родная кровь... Одни мы с ним
Теперь на целом белом свете.
А деньги... Деньги – это дым,
Который вдаль уносит ветер.
Вестимо, дым – в его руках.
В моих руках же – это средство
Нам с братом жить, забыв про страх,
К тому ж приумножать наследство.
Прости, отец, что я земным
Заботам предаюсь у гроба...
Остался с Глебом я одним,
И мы осиротели оба.
Да, тяжким будет разговор...».
И вздрогнул вдруг, забыв о брате:
Смотрела Верочка в упор.
В ротонде чёрной, в чёрном платье,
Ни кольц, ни брошей, ни перстней —

В неброском траурном уборе,
С глубокой жалостью во взоре,
Она смотрела всё нежней...
Печальный встретив этот взгляд,
Вздыхнул прерывисто, со стоном:
У гроба был преступно рад!

Верна любовь своим законам...

А Вера думала о том,
Что щедр и милостив к ней Боже,
И рядом с нею мать с отцом —
Она под их крылом надёжным.
Сжимало сердце, как в тисках,
Слеза горячая струилась.
Дрожала свечечка в руках...
Да будет с нами Божья милость!
И, слёзы смаргивая с век,
Шептал ей папенька на ушко:
«Достойных качеств человек!
Прими его, Всевышний, душу!»
Пришлось у гроба ей стоять:
Нашла по чину место, *татап*
Чтоб каждый в Лавре мог понять:
То право Веры как невесты!

«Жених же траур целый год
Должён блюсти по генералу...
А что Веруше в ум войдёт?

На здравый смысл надежды мало.
Ох, горе, горе... Как близка
Была желанная удача!
И князя доля нелегка:
Повеса-брат над гробом плачет,
А сам-то глазом зырк да зырк:
Довольно скорби или мало?
Игрок! Работать не привык!
Теперь, когда отца не стало,
Начнёт швырять он капитал,
Как в холода поленья в печку...
Ох, клоун... Ведь без чувств упал,
Не уронив, однако, свечку...»

А служба шла уже к концу:
Прощаться надобно с покойным.
И князь Борис припал к отцу...
Под шепоток благопристойный
Отдался горю, всё забыв,
Не видя дам, господ, военных:
Волною шёл людской наплыв,
Шептали что-то все степенно...
И громкий, безнадежный стук:
Вбивали гвозди в крышку гроба...
Дрожание холодных рук,
И путь последний – к яме, чтобы
Покинул белый свет навек
Тот, в ком горела божья искра —
Надёжный, добрый человек,

Любимый самый, самый близкий.

Мы смертны. Все мы будем там,

Пройдя дорогою земною.

И все заплатим по счетам.

Но только разною ценою.

ГЛАВА 7

Ссора братьев. Сомнительное знакомство

Высок твой чин, и важен пост,
Но пробил час, и – гроб, третины...
И с нищим делишь ты погост:
Мы перед Богом все едины.
Поминки... Шёл и шёл народ.
В молчанье люди ели, пили:
Кутья, блины, кисель и мёд,
Сыта*, закуски в изобилье...
От Шератона* стул пустой,
Казалось, ждущий генерала,
Тарелка с пищей той простой,
Что Вельский князь вкушал, бывало:
Речная рыба на парú,
В печи томлёная капуста,
Вишнёвый студень, сливки густо
С грибами, что растут в бору.
С едой тарелка и прибор,
Не пред живым – перед портретом:
Полуулыбка, мудрый взор...

Теперь познал он тайны света.
И люди, головы клоня,
Прощались быстро и слезливо:
«Пора... Прощу простить меня...»
И руку жали торопливо.

С Борисом рядом – бледный брат:
Лицо в слезах, в груди – рыданье,
И быстрый, осторожный взгляд:
Видны, заметны ли страданья?
А князю душу злая боль
Терзала острыми когтями.
«Прощай, отец! Господь – с тобой!
А ты, родной, уже не с нами...»
Ожгла горячая слеза,
Вздыхнул протяжно он, с тоскою.
Увидел Верочки глаза.
Прикрыл дрожащею рукою
Своё горящее лицо,
В глазах надежду скрыть стараясь:
Она носила то кольцо,
Что князь надел ей, обручаясь.
Забилось часто сердце вдруг,
И Вельский встал с резного стула:
Хотел её коснуться рук,
Хотелось, чтоб она взглянула
В его несчастные глаза,
Шепнула с робкою улыбкой:
«Поплачьте, князь. Терпеть нельзя!»

И шёл он к ней с надеждой зыбкой
Обрести минутный хоть покой,
В глазах любимых растворяясь...
Но брата цепкою рукой
Он был задержан. Озираясь,
Глеб что-то тихо бормотал:
«Скажи-ка... деньги... в кабинете...»
Борис измучился, устал,
Ему не в силу споры эти!
Но был весьма напорист Глеб
И жаждал быстрого ответа,
Тащил Бориса, осмелев,
К дверям дубовым кабинета.
И князь пошёл на поводу:
Просил прощения учтиво
У тех, кто с ним делил беду,
И удалился торопливо.

Слуга поставил жирандоль*,
Принёс вино, сигары, фрукты.
«Борис, тебя обнять позволю!
Отныне самый близкий друг ты!
Соратник, верный и родной,
Друг другу в жизни мы опора!
Ты можешь всё делить со мной!»
Тяжёлый стул подвинул споро,
Налил рубиновый кагор,
Из яблок вынул сердцевину.
«О, брат мой! Каюсь, до сих пор

Плохим я братом был и сыном...
Молю, прости! Моя вина
Мне гложет сердце бесконечно!
Но я, поверь, испил до дна
Всю чашу глупости беспечной,
Вкусил те горькие плоды,
Что мне принёс разгул постыдный!
Мой мир, мой дом отныне – ты!
И мне до жгучих слёз обидно:
Ужели будет жизнь моя
Как месть отца родному сыну?!
Ведь мы с тобой – одна семья...
Хочу я денег половину!!» —
Забывшись, тонко крикнул Глеб.

Ушла из глаз Бориса влага:
«Ты помнишь наш фамильный герб?
На нём не зря блистает шпага,
И клювы острые орлов
Готовы дать отпор любому!
Монаршей мантии покров —
Священная защита дому!
Украшен лавром гордый щит,
Зовёт девиз к победе чести.
И каждый предок знаменит!
Но чем же ты, мой брат, известен?
Долгами? пьянкой? кутежом?
Бездумной леностью картинной?
Долг, прав ты, красен платежом!

Своей ты платишь половиной.
Теперь за старшего я стал,
И должен ты начать всё снова.
Тогда получишь капитал —
Даю тебе в том Вельских слово!»
Смотрел задумчиво Борис,
Как щёки брата багровели...
«Напьюсь до положенья риз!
Не то зарежу, в самом деле!»
И в гневе Глеб отбросил нож,
Которым резал фрукт на дольки:
«Начну с начала всё? Ну что ж!
Не пожалей потом ты только!»
И, весь от ярости дрожа,
Пошёл душе искать отраду.
Пешком. В кармане – три гроша.
Напиться хватит. До упаду.

Гул. Хохот. Выкрики кутил,
Табачный дым, огни свечные —
Известный «Демутов трактир»* —
Хмельной приют в часы ночные.
Сюда пришёл, напиться чтоб
Средь равных чином и рождением
Глеб – сибарит, лентяй и сноб,
Глядящий с искренним презрением,
На тех, кто собственным трудом
Платил за платье гадкой ткани,
За скромный быт и тесный дом

И жил с копейкою в кармане.
И пусть он нищ, но здесь он – свой,
Здесь только те, чья жизнь в порядке!
Шнырял бесшумно половой:
Подобострастный, ловкий, сладкий...
Забившись в угол потемней,
Давился Глеб слезами гнева.
Мелькали тени по стене,
Смеялся громко кто-то слева,
А справа шёл горячий спор:
Кричали двое возмущённо...
Звучал гитары перебор,
И тенор пел о чём-то томно.
Свечей мерцали огоньки,
Неярко лица освещали.
Сжимал он в злобе кулаки,
Вчерашними давился шами,
Вино и водку разом пил,
Бубнил, уже икая пьяно...
И станет белый свет не мил —
Но это будет утром рано.
Сейчас же он забыть не мог
Холодный тон родного брата.
И трезвым оставался мозг,
Лишь тёмный зал поплыл куда-то.
«С нуждой Бориска незнаком,
Позор хлебать не приходилось!»
И сильно грохнул кулаком.
Свеча, потухнув, покатилась.

Рукой нашарил. Нет огня.
Свеча белела, бесполезна...
«Пардон, огонь есть у меня», —
Раздался голос тут нетрезвый.

На длинной спичке огонёк.
Лицо красиво. Незнакомо.
«Я, сударь, тоже одинок
Душой и телом, здесь и дома.
Позвольте, скрашу вечер я?
Пойдёт беседа незаметно.
Иль, может, есть у вас семья,
И вам пора к жене и деткам?»
«Садитесь, – мрачно буркнул Глеб. —
Боюсь, плохой я собеседник.
Берите водку, сало, хлеб —
Изысков нет, как нет и денег».
Знакомец новый рюмку взял,
Позвал рукою полового,
Грибы и рыбу заказал,
И две тарелки заливного.
Расправив аккуратно фрак,
Присел напротив друг случайный:
« что запросто я так *Pardon*,
Но вы один такой печальный
Среди довольных сих господ,
Знакомых мне изрядно, кстати...
Прошу: закуска, рыба вот...
Нет-нет! Пришедший в гости – платит!»

Жевал филе форели Глеб
С густой подливой грибной:
«Мой случай прост и тем нелеп...
Никак не ждал я, что со мною
Поступит подло брат родной:
Присвоил деньги до копейки
И дверь закрыл передо мной —
Достойный сын своей семейки!
На бедность кинул мне в суму
Полушки* две и корку хлеба...
Умом и сердцем не пойму,
За что меня карает небо?!»
Воздевши руки к потолку,
Стенал, на свет шандала* глядя:
«Ах, лучше б дуло мне к виску
Спасения приставил ради!
Мне хлеба чёрного ломоть
Сейчас и сладок, и приятен.
Помилуй нищего, Господь!»
Смотрел насмешливо приятель.

А пальцы в кольцах били дробь,
И поза вся была вальяжна:
«Вам, сударь, нет причины в гроб.
А деньги – прах... Совсем неважно,
У вас одна копейка есть,
Иль тысяча рублей, иль злата,
Алмазов, яхонтов не счесть —

Моя мошна не тем богата.
Что деньги? Деньги – ерунда,
Пустяк и мелкая досада.
Найдётся способ завсегда
Карман пополнить свой как надо.
Ведь столько жаждущих кругом
Приличной суммой поделиться!
Не надо хитрым быть врагом,
Не надо красть, просить, молиться —
Мой друг, довольно просто знать!
Знать больше тайн, срамней и гаже...
Скелет в шкафу! И платит знать,
Простой купец и нищий даже!»
И он довольно замолчал.
«Шантаж? Но, сударь, это – свинство!
Мой бог! Начало всех начал:
Шантаж – грабёж – разбой – убийство!
И кто расскажет свой секрет,
Чтоб стать потом коровой дойной?»
«А вот что я скажу в ответ:
Подход к сердцам найти достойный
Легко могу я, добрый друг,
И влезть могу в чужие души,
Снискать доверие у слуг.
А есть ещё глаза и уши!
Ну... вот вам простенький рассказ:
То было прошлую весною.
Я встретил барышню. Меж нас
Возникла страсть. И я не скрою:

Мы были ночи напролёт
В моём закрытом экипаже...
И в жёны князь её берёт,
Не зная доли правды даже!
А мне девицу эту жаль,
И Вельский мне весьма приятен.
Зачем нести для них печаль?
Пусть будет меньше чёрных пятен!»
Знакомец новый замолчал,
На свечку глядя безучастно,
И оттого не замечал,
Что сам зажжёт огонь опасный...

Для изливания души

И самолюбия щекотки

Не все рассказы – хороши:

Не каждый встречный – агнец кроткий.

ГЛАВА 8

Дубровин. «И он узнал. Так много! Страшно!»

Ночной декабрьский Петербург...
Спала метель под колким снегом.
Белёсый мутный лунный круг
Следил за ровным тройки бегом.
Гордей Дубровин вёз к себе
Гуляку-Глеба из трактира:
Тот жертвой пал с вином в борьбе!
Играл Дубровин роль буксира.
Гордей Дубровин. Рода тех
Дубровиных, чьё древо пышно,
Кому сопутствовал успех,
И сыпал милости Всевышний.
Обласкан был и князь Гордей:
Семья жила, о нём радея —
Не дал господь других детей
Отцу и матери Гордея.
Он с детства знал одну любовь.
Его учили без докуки,

Без розог и без грубых слов
Он дома познавал науки.
Потом, окончив пансион, —
Талант к учению был свыше —
Служил в посольствах разных он:
В далёкой Персии, в Париже.
По долгу службы князь Гордей
По свету странствовал немало,
Узнал и страны, и людей.
Его всё живо занимало:
Культура, вера, праздник, быт —
Войны не знал он, слава богу!
Теперь же этим был он сыт,
Хотел найти свою дорогу.
Бежала тройка лошадей,
Сминая снег с морозным хрустом.
Князь Вельский спал. А князь Гордей
Смотрел в окно в раздумье грустном.
Ему уж скоро тридцать пять,
Но — не женат. И нет невесты.
Хотя его женою стать
Девице каждой было б лестно.
А он всегда в сетях интриг,
Подчас двух-трёх одновременно.
Князь к долгим связям не привык
И мог остыть порой мгновенно.

А женский род считал он весь
И предсказуемым, и глупым:
Хи-хи, ха-ха, жеманство, спесь,
Ума не сыщешь даже с лупой.
При том пленялся быстро он!
И много раз в живой надежде
Бывал без памяти влюблён,
Забыв о том, что было прежде.
Ну – вот: полковника жена
Гордея верностью пленила:
С таким волнением она
О муже старом говорила!
Ах, полно! Муж – его же лет!
«Жена прелестна, прямодушна,
Покорна мужу и послушна», —
Судил о ней жестокий свет.
Полковник делал ей детей,
Она с восторгом их рожала.
Но видел, видел князь Гордей:
Чего-то в жизни не хватало
И ей, и мужу. И порой
Грустны, печальны были взгляды...
И князь в их жизнь пришёл с игрой:
Как можно чаще с ними рядом
Стремился он бывать с тех пор
В театре, в опере. Старался

Вступитъ онъ съ мужемъ въ разговоръ,
Женою пылко восхищался.
О шляпкахъ, кольцахъ вѣлъ съ ней речъ,
Всегда съ ея сходился мненьемъ.
Заметилъ вскорѣ: этихъ встречъ
Супруги ждали съ нетерпеньемъ.
И дальше сталъ онъ званымъ въ домъ —
Они нашли въ Гордее друга.
И говорила лишь о немъ
Теперь полковника супруга.
Гордея жъ острый, зоркій взглядъ
Одну особенность приметилъ:
Супруги сладостныя эти
По разнымъ спальнямъ въ домѣ спятъ.
И князь открылъ пороку путь:
Уехалъ мужъ по долгу службы,
Дней пять иль семь какихъ-нибудь —
И князь уже на мѣстѣ мужа.
Потомъ пытался князь Гордей
Прийти въ себя отъ изумленья:
Давъ Софьѣ нѣсколькихъ детей,
Мужъ не давалъ ей утоленья!
И ночь любовная безъ сна
Открыла ей завесу страсти.
Съ тѣхъ поръ полковничья жена
Одной служила только власти.

Не чуждый радостям любви,
Делил с готовностью с ней ложе
Её недавний *vis-a-vis*...
Но вскоре муж вернулся. Что же
Заметил чуть смущённый друг?
Глаза полковника сияли!
Была то служба иль досуг —
Он по жене скучал едва ли...
«Ужель имеет связь в глуши?
Под Петербургом? под Москвою?
Клянусь своею головою —
Нашёл он там родство души!
О, жажды плоти властный зов!»
Гордей шутил, но лишь отчасти:
Отдать был многое готов,
Чтоб знать чужую тайну страсти!
С собой боролся, сколько мог,
Потом следить за мужем начал.
И жизнь дала ему урок:
В том деле было всё иначе,
Чем думал слежки дебютант,
Чего представить и не можешь:
Полковник, юный адъютант...
Зачем узнал?! Помилуй боже...
Он тайну эту схоронил
На дне души, в потёмках сердца,

И честь отца не уронил
В глазах почтенного семейства.
Тогда же понял князь Гордей,
Что сладко знать чужие тайны,
И может каждый из людей
Рабом и богом стать случайно...
Он предпочёл бы богом стать,
Ему казалось – это важно!
И главной целью стало – знать.
И он узнал. Так много! Страшно!
Скелеты тайные в шкафах
Пред ним распахивали двери...
Порой испытывал он страх,
Порою сам себе не верил...
И он хранил в себе тот клад,
Точнее – склад грехов ужасных.
Князь был теперь и сам не рад
Их знать и помнить ежечасно.
Его не радовал уже
Роман с хорошенькой девицей,
Он жил как будто в мираже...
А, может, всё-таки жениться?
Но этот шаг немыслим был!
И целый месяц князь исправно
В трактир ходил и водку пил,
Готовясь дальше жить бесславно.

Он, тайны грязные узнав,
Увидел: в мире все порочны,
Будь то крестьянин или граф, —
Засело в душу это прочно!
Хотелось так поговорить
На эту тему с кем-то близким,
Что он позволил приоткрыть
В секреты дверь, забыв о риске.
Какой-то пьяненький слюнтяй
Пил водки штоф с вином и салом.
По виду – бабник и лентяй,
Каких теперь, увы, немало!
Хоть скудно было на столе,
Но щёголь не был скупердям.
И князь, уже навеселе,
Открылся вдруг перед слюнтяем
И много лишнего сболтнул:
Трещал, как баба, без умолку!
Ну, правда, слушатель уснул...
Корил себя Гордей, а толку!
«Что был за вечер, не пойму... —
В досаде хмурил брови снова. —
Я не представился ему,
И тот не вымолвил ни слова
О званье-имени своём,
А только пил, едва не плача.

Теперь вот едем с ним вдвоём —
Везу к себе. А как иначе?
Без денег, пьяный, да в мороз —
В трактире комнаты все сняты».
Князь заплатил бы за извоз,
Когда бы знал – везти куда-то?
А он – не тать и не злодей,
Кому не страшно гнева неба!
И вёз на тройке князь Гордей
Декабрьской ночью князя Глеба.
А Глеб старательно пыхтел,
Мычал себе под нос невнятно:
Домой он ехать не хотел,
А сэкономить – так приятно!
К тому ж хотелось всё ему
Узнать о дерзкой той девчонке.
И ехал Глеб в ночную тьму,
Дрожа в своей шубейке тонкой.
С мужчиной ночи напролёт?
Однако шустрая девица...
А брату, верно, мило врёт.
Ну нет, нельзя тому жениться!
Конечно, Глебу наплевать,
Чиста она или порочна,
Но вот наследством рисковать
Он не намерен, это точно!

Жениться вздумал, брат? Шалишь!

Годятся тут любые средства!

Не то получит Глебка шиш,

А не законное наследство!

Он сунул руки в рукава,

Пытаясь как-нибудь согреться:

Замёрзли ноги, голова,

И, мнилось Глебу, даже сердце.

Крепчал стремительно мороз.

Метели вой уж не был слышен.

А полог с россыпями звёзд

Ещё чернее стал и выше.

И в свете призрачном дома

Стояли, холодом объята:

Была сурова та зима...

Седой старухой лохматой

Она ступала по земле,

Смотрела, как живое стынет.

И счастлив тот, кто был в тепле,

Кто мог разжечь огонь в камине.

В карете ж не было огня...

И ехал Вельский Глеб куда-то,

Морозы мысленно кляня,

И дальний путь, и снова – брата.

Судьба вдруг сделала зигзаг,

И стала шаткою основа?

И в жизни всё пошло не так?

Припомни: прежде было Слово...

ГЛАВА 9

Ефим Матвейч сердится

Девичья спальня. – *Boudair*
Как мать настойчиво внушала.
Ампли* молочно-белый шар,
На спинке стула – полушалок.
Его воздушный нежный пух —
Озябшим плечикам отрада.
Перед зеркалом – круглый пух,
И, сердца женского услада, —
Хрустальных баночек парад.
учила Веру строго: *Maman*
Как сделать робкий, грустный взгляд,
Белил используя немного,
И как при помощи румян
Щекам слегка добавить краски,
И как шептать: «*Charmant, charmant!*»
Вздыхать и томно строить глазки.
Увы! Потом признала мать,
Что эти важные науки
Веруше бог не дал познать:
Зевала дурочка от скуки.

Роняла веер из руки —
Пятók, не менее, сломала.
Читала Пушкина стихи!
её не понимала. *Матап*
Настасье Павловне весьма
С невестой-дочкой было сложно.
Своей кровиночке сама
Она давала всё что можно:
Любя без памяти её,
Строга бывала с ней, но в меру,
Имея мнение своё,
Всегда выслушивала Веру.
Ходил приличный педагог
Учить Верушу танцам бальным.
Ефим Матвеич за урок
Платил так много, что печально
От суммы становилось ей:
Была Настасья скуповата...
«Должна блистать красою всей
Родная дочь! Пока богаты,
И силы мне даёт Господь,
Она всему учиться будет! —
И нёс Ефим ко лбу щепоть. —
А Бог за это не осудит!»
Был очень набожен Ефим:
Двойное Божеское имя*

Считал напутствием своим
И вёл с Творцом неутомимо
В молитвах долгий разговор.
И, верно, был любезен Богу:
Ефим в делах удачлив, спор,
Мошна толстеет понемногу.
«Ни разу Он не возразил,
Не укорил меня ошибкой!» —
Крестился, полный зрелых сил,
Ефим Матвеевич с улыбкой.
Свою единственную дочь
Любил он преданно и страстно,
Но ей в беде не мог помочь:
Боялась та отца ужасно.
Сказала очень строго мать:
«Молчи, как рыбица, – ни слова!
Отец не должен правду знать —
За грех накажет он сурово!
Не споря – с Вельским под венец!
Умён, богат, и ликом гладкий.
Любовь же – мука для сердец,
Как мёд – и пьяный, да несладкий».
Желая дочери добра,
Настасья волновалась очень:
«Ох, видно, замуж ей пора,
Коль вдруг любовь застила очи!

Ах, как не вовремя почил
Сергей Ильич, отец почтенный!
Своё семейство огорчил,
И в нашем эти перемены
Внесли сомнения в сердца.
Уж слишком длительна отсрочка!
Тревожит сей пассаж отца:
Должна ли ждать столь долго дочка?
К тому ж галантный князь Борис
Учтив сверх меры и напрасно!
Устроил он плохой сюрприз:
Не хочет Верочку несчастной
Он сделать, в жёны взяв её!
И к нам, чтоб слово взять своё,
Пришёл с утра, как сыч, надутый,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.